

РОМАНТИК РЕВОЛЮЦИИ

К 70-летию со дня рождения
Всеволода Вишневского

Исполняется семьдесят лет со дня рождения Всеволода Вишневского, чье имя неотделимо от истории советской и мировой революционной драматургии.

Он умер двадцать лет назад — и за эти два десятилетия пьесы его, фильмы по его сценариям, его великолепная проза напоминали о бессмертии истинного таланта.

Двадцать лет назад, совсем незадолго до смерти, уже тяжело больной, он писал из Барвихи: «...пора звонков, писем, телеграмм, визитов. Профессор сказал: «Так невозможно!»... Я режиму: воздух, голод, сон, монастырщина, пускание крови... Вообще, видимо, буду взят живым на небо... Какой финал для моряка!.. Подумываю о поездке на Камчатку; надо самому облазить эти р-ны и узнать, как ходят к Алеутам, Аляске и пр. — «Курортные» моря до скуки уже изучили...».

«Облазить» Камчатку не пришлось — и взвод моряков отдал у могилы писателя последний печальный салют.

И ныне, в день семидесятилетия писателя, мимо памятника Всеволоду Вишневскому, воздвигнутому скульптором Сергеем Коненковым, пройдут строем нынешние военные моряки, отдавая художнику воинскую почесть. На белом мраморе высечено золотом: «Писателю-бойцу». Тяжелый якорь опирается о постамент — якорь, эмблема флота, присланная моряками из Кронштадта.

«Мы из Кронштадта», фильм по сценарию Вишневского, как и «Чапаев», стал не вехой — этапом в жизни, в становлении революционных традиций нашего кинематографа. Он вошел в его золотой фонд. Так же как «Оптимистическая трагедия» Вишневского — в золотой фонд советской драматургии.

Он внес в литературу, в драматургию, в кинематограф свое, индивидуальное, присущее только его художественному почерку. Слышится ли со сцены диалог, написанный Вишневским, смотрится ли фильм его в кино, читается ли его книга, — всегда можно узнать этот почерк, угадать, отличить. Его художественное восприятие почти всегда приподнято, его стилю свойственна порывистость, словно бы едва, с трудом, сдерживаемая страсть, он как бы стискивает зубы, пряча ее, но нет, она рвется наружу, выплескивается, заражая все вокруг. Таким он предстал в своих произведениях, романтик революции, ее поэт, ее рыцарь, таким он запомнился в годы войны, когда был с моряками Балтики, с ленинградцами, когда напугивал уходящие под стены Ленинграда морские бригады, когда по радио обращался к молодежи, — и радиоречи его были на вооружении осажденного города, как главные калибры линейных кораблей, бывшие по наступающим фашистским бронетанковым дивизиям.

Ровесник века, родившийся на рубеже двух столетий, он прожил жизнь неповторимую и — прекрасную. Да и не одну он прожил жизнь за свои пятьдесят лет — их было несколько. И среди них — жизнь мальчика из петербургской дворянской семьи, которого водили гулять в Летний сад, мальчика, бежавшего в 1914 году из дома на Западный фронт, где он становится разведчиком, ходит в немецкий тыл, награждается двумя георгиевскими медалями, георгиевским крестом —

наивысшей в те времена оценкой солдатской отваги. В кровавом месиве войны, в ее грязи, поте, лишениях проходит он свои окопные университеты, сталкиваясь впервые с людьми из народа, познавая их и постигая, ставя перед собой, тоже впервые, мучительные вопросы о смысле жизни и пока не находя на них ответа...

Он прожил и жизнь красногвардейца, участвовавшего в октябрьских боях под Гатчиной, бойца, охранявшего поезд, который вез Советское правительство, переезжавшее из Петрограда в Москву, — в этом поезде ехал Ленин. Тут, в Москве, он в отряде, подавлявшем мятеж левых эсеров; из Москвы — на Волгу, добровольцем на Волжскую военную флотилию; бои на барже «Ваня-коммунист», десант в тыл к белым; бронепоезд «Грозный». Первая конная — Вишневский пулеметчик; в составе десантного отряда под командованием Ивана Папанина высаживается в тылу у Врангеля... После гражданской войны — жизнь специалиста по военно-морским вопросам; самостоятельно заканчивает курс Военно-морской академии, назначается преподавателем в академию, публикует научные труды, рассматривающие проблемы тактики и стратегии зарубежных флотов...

И, наконец, — жизнь художника, одного из выдающихся советских писателей.

При жизни писателя многое из того, что он создал, было неизвестным. Лишь после смерти его вышли шесть томов сочинений — в них Вишневский был открыт во многом заново: Вишневский — прозаик, Вишневский — публицист, Вишневский — оратор, трибун. Да, его речи, опубликованные в собрании, — это открытие нового жанра, если хотите, художественного, именно художественного. Только теперь можно по достоинству оценить сделанное им — начиная от «Первой конной» и кончая письмами и статьями о драме, театре, искусстве. Только теперь можно по достоинству оценить и вклад его в драматургию. 18 декабря 1933 года была премьера «Оптимистической трагедии» в Камерном театре — ставил пьесу Александр Таиров, играла Комиссара Алиса Коонен. Спектакль прошел больше восьмисот раз — и «Правда» справедливо писала тогда, что эта пьеса «в такой же мере устремлена в прошедшее, как и в грядущее».

Так оно и было — пьеса оказалась с наибольшим запасом прочности, второе рождение ее произошло через шесть лет после смерти писателя, в 1956 году, — пьеса, поставленная режиссером Г. Товстоноговым в Ленинграде, в Академическом театре драмы имени Пушкина, обошла затем сценические площадки страны, вышла за рубеж, снова ее увидели в Варшаве, Токио, Берлине, Париже, Праге и Белграде. Третье рождение пьесы произошло в 1963 году на экране, в одноименном фильме: снова герои Вишневского ожили и отправились в дальние дороги — от Токио до Гаваны...

И теперь, в 1970 году, вновь и вновь обращается театр к «Оптимистической трагедии», к Вишневскому, словно подтверждая слова, сказанные Шиллером: «Кто был нужен лучшим людям своего времени, тот жил для всех времен»...

Александр ШТЕЙН.

ИЗВЕСТИЯ

МОСКВА

19 ДЕК 1970